

Волков А.Г.

ЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ДИСКУРСЕ

Актуальность. Лингвистический поворот в философии стал причиной возникновения интереса исследователей к дискурсу как автономному когнитивному образованию. В то же время, отсутствует внимание к субъекту как самостоятельной сущности, способной к порождению дискурса. В какой-то мере этот аспект разрабатывается в рамках этики дискурса, однако при этом совершенно вне внимания остается способность субъекта к самым различным способам выявления в дискурсе.

Постановка проблемы. Основная причина появления данного исследования – это неясность возникновения различий между дискурсами. На наш взгляд, необходимо выявить зависимость политического дискурса от состояния самого субъекта, то есть рассмотреть отношение сущности и явления субъекта в дискурсе.

Степень разработанности проблемы. Выделим основные аспекты исследования политического дискурса. Некоторые исследователи рассматривают отношение дискурса и реальности, например, в работах Соловей В.И. изучаются особенности конструирования «политической реальности» в дискурсе политического субъекта в зависимости от глобальных процессов в современном обществе [8]. Следует обратить внимание на работы, в которых рассматриваются особенности дискурса в связи с отдельными проблемами политики, например, проблемой террора [6]. Значительный интерес вызывает исследование этики дискурса К.-О. Апеля [7]. Однако его исследование отличается чрезмерной рационализацией субъекта, и тем самым сфера дискурса значительно ограничивается. Поэтому возникает необходимость рассмотрения политического дискурса по отношению к своеобразию субъекта.

Цель исследования состоит в установлении связей между сущностью субъекта и ее явлением в политическом дискурсе.

Для этого ставятся такие задачи как выяснение своеобразия рефлексии политического субъекта, характеристика особенностей выражения смыслов существования в дискурсе, разграничение различных видов дискурса.

Новизна состоит в том, что рассматривается соотношение субъекта и дискурса при условии многообразия проявлений субъекта.

Отношение субъекта и дискурса состоит в том, что субъект проговаривает себя в дискурсе, то есть проявляет, и, тем самым, раскрывает свою сущность. Сущность – это своеобразие субъекта, и, одновременно, горизонт моральных и прагматических характеристик, граница того, каким образом он может проявить себя в неизменности. Дискурс же представляет собой высказанное, что частично принадлежит поверхности, то, что явно и неприкрыто, но именно при рассмотрении поверхности можно понять, что есть в глубине субъекта, то есть, его потаенные смыслы в совокупности образующие сущность.

Дискурс – это сфера выражения субъекта, которая зависит от характера его сущности. Рамки дискурса строго ограничены и определяются именно сущностью субъекта и особенностью ее проявления. Понятно, что дискурс – это только модель возможной совокупности высказываний, которые определяются сущностью субъекта. Остановимся на дискурсе, чтобы определить его своеобразие и особенность, а после того, как они будут рассмотрены, в дальнейшем откроются перспективы изучения дискурсивной практики. Ж. Делез характеризовал дискурс как поверхность, при этом принимая ее за подлинность субъекта и непосредственную реальность. Такой подход можно видеть и у Г. Шпета, который утверждает, что слово, выраженное и высказанное, есть действительность [9]. Однако при этом не учитывается своеобразие рефлексии субъекта в дискурсе. Не вызывает сомнения, что данность сознания презентованная в дискурсе и есть подлинность субъекта, но только в определенной мере, поскольку дискурс в этом случае выступает только как поверхность, которая показывает то, что выражает субъект. Но субъект обладает глубинными смыслами, скрытые под поверхностью, которые он может сознательно не показывать для достижения прагматических целей. К ним в первую очередь относятся такие, которые характеризуют отношения субъектов, например, подчинение иного субъекта. Подтверждением неадекватности сущности субъекта и дискурса является то, что выраженное в дискурсе часто не соответствует смыслу, переживаемым в глубине сознания. Выделим, что смыслы как переживание целостности субъекта формируются в процессе сопереживания субъективной целостности постепенно, посредством поиска соответствующего словесного выражения. Степень их устойчивости и подвижности в глубине сознания различна: некоторые смыслы могут очень длительное время быть почти не проявленными, и только определенная ситуация провоцирует их выражение в дискурсивной практике. Таким образом, при анализе дискурса, тем более, дискурсивной практики, необходимо введение темпоральных характеристик. Тем более что сущность субъекта образуют глубинные смыслы, которые могут трансформироваться. Не зря еще со времен античности провозглашалось: «Познай самого себя». Сущность субъекта как совокупность устойчивых смыслов формируется на протяжении длительного времени и имеет свою историю.

В психоанализе З. Фрейда глубинные свойства сознания сводятся к бессознательному, понимаемому только в рамках отношений полов, что явно недостаточно для характеристики политического субъекта [11]. Преодоление этого недостатка привело к созданию теории архетипов, то есть социальных образов, которые хранятся в сознании К. Юнгом, что открывает перспективы для культурологического изучения дискурса [13]. Впоследствии формируется представление об индивидуальности смыслов социального существования в работах В. Франкла [10], а также концепция наличия универсальных социальных смыслов имеющих политическое значение в исследованиях Э. Фромма [12]. Остался сделать последний шаг к пониманию смысла существования в аспекте идентификации субъекта как целого, которые существуют в глубинных слоях

сознания и получают выражение в дискурсивной практике.

Необходимость дискурса состоит в том, что субъект – это тот, который полагает себя в совокупности индивидуальностей, поэтому видеть себя как целостность предполагает наличие внешнего образа. Это возможно только в сознании, поэтому предпосылкой существования субъекта может выступать только наличие сознания как совокупности смыслов. Таким образом, исследование дискурса предполагает обращение к основам гуссерлевской феноменологии, а именно, к проблеме интенциональности. При этом своеобразии политического субъекта требует существенных изменений в отношении сознания и предмета [4]. Если смысл рассматривать как лежащее в основании субъекта, то следует признать продуцирующий характер сознания, в чем ему отказывал Э. Гуссерль, и тем самым, принять точку зрения Г. Шпета [9]. Как следствие следует совершенно иначе трактовать операцию редукции, то есть очищение сознания: радикальная редукция в полной мере принципиально невозможна по отношению к социальному сознанию, поскольку политический субъект реализует себя посредством переживания знания, что предполагает доминирование эмпирического. Если политическое сознание подвергнуть радикальной редукции, то оно превратится в научное и потеряет свое своеобразие. Кроме того, следует иметь в виду, что политические знания переживаются субъектом не по отношению к предмету, а по отношению к самому субъекту, то есть, предметом выступает сам субъект. Поэтому интенциональность оказывается уже не «чистой», в ее основе лежит переживание субъекта как существа переживающего. Мало того, направленность интенции в данном случае определяется содержанием сознания, и именно наличие определенного знания определяет будущее знание. Эта предметность, поскольку предметом выступает сам субъект, представляет собой не просто знание, а знание о себе, то есть смысл, который есть знание о существовании, знание «живое». Таким образом, субъект переживает в сознании «живой» смысл как предметность. Кроме того, этот смысл, переживаемый в сознании, может длительное время не выражаться, тем самым не фиксироваться в каких-либо высказываниях.

Итак, ошибкой будет требование тотального очищения, поскольку эта операция невозможна по отношению к социальному сознанию. Тем более что эффективность социального познания, и тем самым существование политического субъекта, зависит от того, какими смыслами наполнено сознание и то, каким образом они переживаются. Именно интенсивность переживания и его своеобразие определяет актуальность смыслов и потребность в их осуществлении. Предметность в данном случае – это знания, а поскольку они переживаются, они трансформируются в смыслы существования. Тем самым, в предметности, которая является содержанием субъективного сознания, следует выделить знания, используемые как научные, и знания, которые являются сферой переживания субъектом самого себя, но именно последние и определяют существование субъекта. Поэтому выделим социальное знание отвечающее на вопросы, которые задает субъект, к ним можно отнести такие, которые обращены на него самого, то есть имеющие рефлексивный характер. Приведем только некоторые из них. Что делать? Почему необходимо это сделать? А нужно это ли делать? Далее, возникают множество вопросов, имеющих аксиологический характер, а среди них выделим только некоторые. В чем ценность знаний? К чему приведет их использование? И ответы на эти вопросы показывают, что социальное знание составляет основание существования субъекта.

Таким образом, в сознании можно выделить особый регион, который образуют знания о самом субъекте, его существовании, которые невозможно сделать чистыми. Если такие знания действительно становятся основой для существования субъекта, то они переживаются, поскольку принимаются как смысл. В данном случае речь идет о бытии субъекта, а конкретность этого бытия зависит от знания, которое является содержанием сознания. Это знание является собственностью субъекта, и поэтому оно артикулируется, можно сказать, произносится как в сознании, так и во всеуслышание, следовательно, выносится на поверхность, и это выраженное знание образует дискурс. Таким образом, дискурс представляет собой сферу той части знаний, которая образует актуальность для субъекта, и является способом установления себя и своего существования.

Возникает вопрос в какой мере субъект выражает себя в дискурсе? Этот вопрос влечет следующий: способен ли субъект осуществить себя вне дискурса? Если нет, то можно ли отождествлять презентацию субъекта в дискурсе и данность смыслов в сознании? В какой мере презентация субъекта в дискурсе соответствует его подлинной сущности? Соответствует ли презентация субъекта в дискурсе его практике? Как соотносятся между собой манифестация и ведение дел? Тем самым проблема презентации субъекта приобретает не лингвистическое, а гносеологическое и прагматическое значение. В самом деле, нельзя представить субъекта вне способности порождать смыслы, которые возникают в глубине сознания, под покровом выраженного, которое репрезентируется в целях введение в заблуждение. Никто не спорит, что выраженное в дискурсе является значимым для субъекта. Именно оно выносится на поверхность как трансцендентное, что приводит к возникновению субъекта как совокупной целостности индивидуальностей. И именно дискурс как выраженное знание, которое способно повести за собой, провоцировать и поднимать на свершения, вызывать поступки, организовывать дела, корректировать оценки и цели и проч. Тем более что именно в рамках дискурса возможно институциональное познание; в этом случае его исполнение для субъекта – необходимость, поскольку оно становится предписанием. Однако институционализация знания, в свою очередь, не отрицает наличие знания нелегального, нелегитимного, латентного, которое сознательно скрывается и только иногда прорывается наружу. Такое знание остается вне общего внимания и произносится вполголоса, остается тайной.

Смерть субъекта наступает тогда, когда он полностью подчиняется дискурсу, который говорит через него. Это означает, что дискурс содержит в себе определенные ограничительные рамки, которые определяют то, что можно сказать, а о чем лучше промолчать. Поэтому редукция присутствует, но уже со стороны

дискурса, который подчиняет субъекта или пытается подчинить себе. Однако наличие множества дискурсов и возможность субъекта переходить от одного дискурса к другому не позволяет говорить о смерти субъекта. Понятно, что речь идет не об универсальном политическом дискурсе, а о дискурсивной практике, которая имеет своим источником реального политического субъекта, тем более что каждый из дискурсов, поскольку реализуется посредством институций, может выступать во множестве автономных голосов. И все же политический дискурс посредством институционализации смысла в состоянии полностью подчинить себе субъекта. Это связано с тем, что дискурс реализуется таким образом, что созвучие его голосов основывается не на разуме, а на доминировании субъективности. Тогда согласие производно только от умения сохранить власть. В некоторых дискурсах доминирование разума может иметь ограниченный характер не только по субъективным, но и по объективным причинам, в результате субъект не в состоянии реализовать себя в полной мере. В значительной степени это связано с тем, что в политическом дискурсе доминирование разума довольно часто подменяется доминированием институций. Именно в политическом дискурсе роль институций приобретает особый характер. Однако, опять же, истоки институционального политического дискурса находятся в неинституциональном дискурсе, где план выражения обусловлен многообразием индивидуальностей политического субъекта и их откликом на событийность и условия существования. Тем более, институциональный дискурс – только тонкая поверхность того, что является содержанием сознания. Многое остается невысказанным, поскольку его исполнение невозможно ввиду ряда обстоятельств, и поэтому остается вне сферы выражения. Тем самым политический дискурс, как и субъект, страдает своей незавершенностью. Однако в дискурсе, так или иначе, постепенно проявляется все то, что не исполнено и ожидает своего решения. Это происходит в результате возникновения императива в процессе проговаривания субъектом в дискурсе своих проблем и ожиданий. Проговаривание вызвано неустроенностью субъекта, который постоянно жалуется о своих бедах. Эти жалобы, протесты и проч., слышатся от индивидуальностей, которые в состоянии избежать власти институционального дискурса. Индивидуальная манифестация приводит к разрушению целостности институционального дискурса. Индивидуальность вырывается в просвет, тот который присутствует в поверхности институционального дискурса. Таким образом, субъект меняет свой облик и самого себя через изменение содержания манифестации. Субъект становится совершенно иным, в первую очередь, по отношению к самому себе.

При анализе дискурса политического субъекта необходимо иметь в виду, что он всегда образуется из множества голосов, степень единства и разнообразие которых может быть самым разным. Более того, каждый из голосов может звучать совершенно иначе в пределах институционального дискурса и сам для себя. Что я есть? Как мне быть? Вечные вопросы, возникающие постоянно перед индивидуальностью. Голоса звучат, одновременно, по-разному для всех и для себя, а скрытых голосов может быть совсем не слышно, поскольку институциональный дискурс не позволяет выговориться. Поэтому политический дискурс в большей степени – это дискурс сокрытости, того, что невозможно услышать, а то, что слышно – только аппликация, указывающая на то, что можно сказать. Но это не означает, что высказанное на поверхности полностью не совпадает с содержанием сознания субъекта. Манифестация субъекта – это сфера желанного, того, как хочет видеть себя субъект со стороны. Субъект предстает со стороны аппликации, которую он создает сам для себя. В этом случае устраняется имманентность, и ее место уступает трансцендентность самого себя, которая предстает перед самим собой и тем, кто наблюдает. Эта аппликация создается как поверхность и поэтому постоянно ускользает от повиновения.

Рассмотрим ситуацию, когда индивидуальность отказывается от тотального господства субъекта. Этот отказ представляет собой выведение субъекта в сферу неизведанного. Ропот недовольства – только фон для институционального дискурса, назначение которого в том, собрать голоса индивидуальностей в единое множество, объединить голоса разума, поскольку они разбросаны, и их не всегда можно расслышать. Но ропот может превратиться в мощный возглас, призывающий к разрушению. В результате возникает доминирование дискурса маргинального, что и становится причиной того, что субъект ставит себя на порог собственного разрушения. Однако он может сохранить себя, если подчинит событийность в такой мере, что сможет создавать благоприятные условия существования. Но что такое благоприятные условия существования и где находятся их источник? Следует иметь в виду, что они имплицитно заданы в субъекте, то есть в состоянии его сознания. Таким образом, состояние сознания или его модус определяет то, что может произойти с субъектом. В наибольшей мере требованию «создавать приемлемые условия существования» отвечает реализация субъекта в соответствии с голосом разума, как это показал Ю. Хабермас [3]. Однако дискурс, в котором доминирует коммуникативный разум – это только частный случай организации политической дискурсивной практики. Возможен ли такой дискурс вообще? Конечно, но при условии, что существуют соответствующая политическая ситуация, при которой отсутствуют помехи для реализации разума. Это возможно при таком политическом режиме, который обеспечивает доминирование разума. В то же время возможны иные режимы, в которых доминирует не разум, а желание совершенного, однако неразумного. Если в рациональном дискурсе противоречия снимаются между голосами посредством доминирования разума, то в дискурсе желания все иначе. Желание вызывает протест, при этом само желание – это желание совершенного, лучшего, абсолютного, того, что удовлетворяет; однако предчувствие невозможности реализации вызывает, одновременно, желание худшего, разрушительного. То есть, политический дискурс желания направлен против субъекта, хотя он не в состоянии этого осознать.

Дискурс желания возникает в процессе борьбы за власть. В чем предпосылки и возможность этой борьбы? Дискурс, одновременно, реализуется как множество и единичность. Как множество он распадается на совокупность голосов. То же самое можно сказать о субъекте как совокупности индивидуальностей. Подлинным существованием обладает только субъект, тогда как дискурс – это только его отражение, за кото-

рый он держится. Дискурс есть элемент рефлексии, зафиксированный образ субъекта, который не позволяет ему забыть самого себя. Поэтому дискурс есть способ идентификации субъекта, выражением которого он является. Трансцендентность дискурса, одновременно, становится причиной того, что он может подчинить себе субъекта, каждый раз форматируя его под себя. Таким образом, в манифестации субъекта индивидуальность теряет свою подлинность, а высказывание уже не является сферой подлинных претензий субъекта. Манифестация оказывается средством оказания влияния, то есть дискурсивной интервенции. Таким образом, борьба за власть приводит к войне дискурсов. При этом сам по себе дискурс не является завоевателем, им выступает другой субъект, которому он принадлежит. И этот субъект направляет дискурс-завоеватель на того, кого необходимо подчинить. Субъект-захватчик не присутствует лично, он только копирует дискурсивные практики, которые подчиняют сознание иного субъекта, а в результате последний теряет свою подлинность и достоверность своей рефлексии. Если пространством дискурса полностью покрыть чужое сознание, то оно не видит свои подлинные смыслы, а выражение реализуется при посредничестве навязанного дискурса. Интервентный дискурс разрушает сознание, вводя в него неадекватные смыслы существования. Однако негативная прагматика такого дискурса приводит к ухудшению положению дел, и, следовательно, отторжению интервентного дискурса и, тем самым, выход из сферы влияния иного субъекта.

Итак, субъект возможен, если продуцирует дискурс как выражение осмысленности положения себя в мире. Субъект не может осознать свою сущность вне образа самого себя, который он полагает в дискурсе. Ее трансцендентная презентация более предпочтительна, поскольку имманентность может затянуть субъекта в пучину одиночества, и, следовательно, неразличности. Я в самом себе – это ничто, точнее неопределенность. Поэтому субъект может распознать себя только по отношению к трансцендентному, – именно оно способно собрать индивидуальности в единое целое. Вот почему субъекту необходимо использовать дискурс, который показывает извне, даже если со стороны дискурса подстерегает опасность расстаться со своей подлинностью. Дискурс – это поверхность, за которую держится субъект, являющаяся результатом выражения, того, что стало очевидно и выставлено на всеобщее обозрение, что указывает и предписывает, то есть и имеет принудительную силу, зависящей от того, каким статусом обладает данный дискурс для субъекта. В свою очередь, статус дискурса зависит от особенностей институционализации, то есть принятия данного дискурса в качестве предписывающего таким образом, что неисполнение предписание приводит к применению санкций. Итак, субъект в той или иной мере зависит от дискурса, который продуцирует положение дел, поэтому можно говорить о субъекте дискурса. Соответственно каждого субъекта можно считать субъектом дискурса, поскольку он реализует себя посредством данного дискурса. Дискурс и субъект находятся в отношениях рефлексии, то есть, субъект порождает дискурс как совокупность высказываний, в то же время, дискурс, если он принят и присваивается, то он, в свою очередь, оказывает влияние на субъекта. Дискурс может доминировать над субъектом, однако следует иметь в виду, что если он не удовлетворяет субъекта, субъект может восстать против него. Таким образом, реализацию субъекта можно представить как смену дискурсов.

Явление субъекта в политическом дискурсе производно от сущности субъекта. Явлением сущности следует считать отношение к действительности, которое отличается либо доминированием разума, либо желания. Субъект, который реализует себя посредством разума, отличается способностью к рефлексии, и, соответственно, самостоятельно осуществляет свой выбор на основе анализа, поэтому его решения отличаются обоснованностью. Кроме того, такой субъект не подчиняется принуждающему воздействию дискурса иного субъекта. Дискурс рационального субъекта отличается выдержанностью, отсутствием экспрессивности, аргументированностью и доказательностью, как отдельных высказываний, так и содержания в целом.

При рассмотрении явления субъекта выделим собственный и дискурс иного субъекта, то есть интервенционный. Собственный дискурс непосредственно принадлежит субъекту и представляет собой выражение его сущности. Интервенционный дискурс принадлежит иному субъекту, который с его помощью оказывает влияние на данного. Понятно, что субъект разума вполне самостоятелен в рамках собственного дискурса, и на него не способен оказать влияние интервенционный дискурс за исключением тех случаев, когда его содержание не противоречит доводам разума. Если обратиться к субъекту желания, то его явление будет совершенно иным. Собственный дискурс субъекта желания основывается на переживаниях, поэтому решения принимаются в зависимости от яркости переживания. Поэтому субъект желания способен проявить себя только в ситуации протеста, там, где переживание достигает своего максимума. Следовательно, субъект желания открыт для принуждающего влияния со стороны интервенционного дискурса. В его сознание могут вводиться самые различные смыслы, в том числе и деструктивного характера. Как следствие явление субъекта желания в дискурсе, одновременно предсказуемо и непредсказуемо. Предсказуемо, поскольку он очень чутко реагирует на внешнее влияние, поскольку легко приходит в возбуждение по причине исполнения или неисполнения своих желаний, которые и являются единственным критерием при определении истинности, вернее правдоподобности при принятии решения. В процессе убеждения субъект желания не требует доказательств, однако очень ярко реагирует на оценки, особенно негативные, и они вполне достаточны для доказательства истинности или ошибочности высказывания. Такого субъекта очень легко вывести из себя, поскольку он не способен рационально осмыслить проблему и найти самостоятельно ее решение. Субъект желания подчиняется только одной логике – логике желания, которая имеет модальный характер. В своих рассуждениях, претендующих на правдоподобность, всякое желание принимается в качестве истинного, а любое препятствие на пути исполнения – попытка ограничить свободу, а в некоторых случаях как враждебное действие. При этом в основном используются не дескриптивные, а модальные высказывания. Напомним, что дескриптивное описание – это высказывание, в котором утверждается или от-

рицается наличие некоторой ситуации фактического, реального характера. Особую роль дескриптивное описание имеет в феноменологии Э. Гуссерля [4]. Именно благодаря дескриптивному описанию становится возможным чистое знание. Особенность дескриптивного описания состоит в том, что с его помощью можно выявить действительное положение дел, и в конечном итоге показать степень продуктивности принятия политических решений и по возможности корректировать их содержание.

Наоборот модальные рассуждения субъекта желания оперируют фактами реальности только в целях оправдания желаний, и не более того, поэтому выбор фактов имеет тенденциозный характер и предполагает исключение таких, которые не оправдывают необходимость исполнения этого желания. Факты используются в алетических высказываниях, например, таких как «бандиты должны сидеть в тюрьмах», «возможно, что никто не виновен в политическом кризисе», «все события – это только цепь случайностей», и проч. Их назначение также состоит в оправдании желания. Доминирование алетических высказываний является существенным признаком дискурса субъекта желания. Их содержание носит предельно экспрессивный, а иногда агрессивный характер, а субъект, который противостоит исполнению желания, чаще всего провозглашается врагом. Субъект желания в своих высказываниях чрезвычайно несдержан, не терпит возражения и не принимает доказательств. Это связано с тем, что он подчиняется только тому, что соответствует его желаниям, часто такому желанию, возникновение которого спровоцировано интервенционным дискурсом. Его довольно легко подчинить, если использовать не дескриптивные, а алетические высказывания. Но поскольку его легко подчинить, он подчиняется каждому субъекту, который в состоянии спровоцировать возникновение переживаний и, тем самым, активизировать возникновение желаний. Поэтому легкость его подчинения совмещается с невозможностью его удержать в подчинении, поскольку иной субъект может активизировать более интенсивные переживания и, следовательно, изменить его политические ориентиры.

Когда рассматривается вопрос об изменении политической ориентации субъекта желания, следует поднимать вопрос о его отношениях с массой. Масса – это совокупность индивидов не способных на рациональное осмысление действительности, которую в состоянии подчинить себе субъект, а результатом этого подчинения и будет субъект желания. Поскольку она не способна на рациональное осмысление, она находится вне сферы политического. Однако масса легко попадает под влияние и превращается в субъект желания, поскольку она причисляет себя к субъекту, который ее использует. Для этого субъекту достаточно только спровоцировать исполнение ее желаний, и тогда она принимает его сторону. Таким образом, ничья масса, до активизации желаний никому не принадлежащая, оказывается субъектом желания. При этом субъекта желания можно провоцировать на исполнение любых желаний, в том числе самых авантюрных и утопических. В рамках дискурса эти желания принимаются в качестве норм, которые запрещается подвергать сомнению, то есть в догмы. Таким образом, догматизм является существенным признаком дискурса субъекта желания, который посредством абсолютизации желания отстаивает свое доминирование. Логика рассуждений, оправдывающих догматы весьма примитивна, и сводится к утверждению непререкаемых ценностей, являющихся общечеловеческими, но применяемых как средство отстаивания абсолютизации желаний. Поскольку субъект желания провозглашает высшими ценностями свои желания, они не могут быть подвергнуты сомнению. Более того, так как субъект желания отстаивает желания как абсолютные ценности, он превращается сам для себя в абсолютно совершенное существо, которое не имеет недостатков, а если они и есть, то они носят случайный характер.

Таким образом, дискурс субъекта желания является местом возвышения себя относительно иных субъектов, которые не обладают такими качествами. Поскольку субъект желания находится на пьедестале морального совершенства, он смотрит на остальных сверху вниз. Тот, кто противостоит этому субъекту, рассматривается как существо низшего порядка, достойное презрения. Поскольку субъект находится на пьедестале совершенства, никто не может объективно судить о его моральном облике. Если кто-либо попытается подвергнуть сомнению наличие какого-либо несовершенства, он не достоин ответа, поскольку не способен осознать совершенство субъекта желания, и его необходимо уничтожить как врага. Итак, субъект желания разделяет присутствующих в действительности на две группы: с одной стороны – это субъекты, которые его поддерживают, и именно им доступна истина и подлинные желания, с другой – иные субъекты, как воплощение несовершенства и низости, которые заблуждаются. Именно последние должны быть или подчинены или исправлены, если это не получится, то подавлены или уничтожены. Таким образом, основным средством утверждения субъекта желания является номинальное убийство.

Алетическая логика субъекта желания определяет содержание высказываний, которые образуют его дискурс. Подавляющее число высказываний представляет собой совокупность требований, обличений, провозглашений, отказов и проч. Требования связаны с отстаиванием собственных желаний и превосходства, потребность подчинить себе иного субъекта. Выдвижение требования не предполагает соглашений или совместного обсуждения и решения проблемы. Если соглашение допускается, то только по стратегическим соображениям, например, для того, чтобы обеспечить себе свободу маневра для дальнейших агрессивных действий. При этом изначально не предполагается исполнение обязательств по соглашению, а нарушаются они в самый выгодный момент для агрессии. Выдвижение требований носит категорический характер, а предназначены они для расширения влияния и подчинения иных субъектов. Эти требования основываются на провозглашаемом собственном моральном превосходстве, а их обсуждение не предполагает никаких компромиссов, за исключением выше обозначенных. Содержание этих требований может быть различным: от устранения отдельного индивида из сферы власти до изменения формы государственного управления. Но каждое из них преследует обязательно исполнение желания, для воплощения которого необходима абсолютная власть и полное господство. Поэтому дискурс субъекта желания отличается отсутствием толерантности и крайними формами нетерпимости, хотя он содержит высказывания, в которых подчеркивается,

что субъект относится ко всем терпимо.

Выдвижение требований становится границей разделения субъектов на сторонников и противников; такие, кто поддерживает, причисляются к сторонникам, а такие, кто имеет самостоятельное мнение – к противникам. Значительная часть требований выдвигается в целях подчинения противников и достижения полного господства, после которого, по предположению субъекта желания должно и наступить исполнение всех желаний. Однако этого не происходит, поскольку сознание субъекта желания не основывается на принципах рациональности. Поэтому вскоре наступает политический кризис, который приводит или к отстранению субъекта желания от власти или сохранению его власти с помощью террора. В некоторых случаях, а именно, если действия субъекта желания приводят к невыносимым условиям существования, от него отпадает масса. Но не всегда, поскольку возможно продуцирование таких смыслов, которые рассчитаны на возвеличивание жертвенности и героизма.

После поражения одного субъекта желания возникает следующий, который вновь подчиняет себе массу иными желаниями. Однако в любом случае становится очевидной слабость субъекта желания по сравнению с субъектом разума, который реализует себя в консолидации и объединении усилий. Слабость заключается в том, что он не способен эффективно развиваться, поскольку не может иметь рациональных стратегий. Кроме того, морализация приводит к тому, что исполнение желания становится возможным только посредством совершенной индивидуальности. То есть, она предполагает возникновение культа личности. Однако индивидуальность имеет свои границы, поэтому реализация субъекта желания имеет очень неустойчивый характер. С изменением лидера субъекта содержание желаний кардинально меняется, но не в сторону ожесточения, а ослабления прессинга, поскольку постоянное напряжение изнуряет субъекта и возникает потребность ослабить требования. В результате происходит постепенное ослабление императивов, что приводит, в последствии, к разрушению субъекта желания.

Рассмотрим отношения субъектов желания и разума в условиях их противостояния. Явлением субъекта разума будет созидание, а как следствие его усиление. Субъект желания также ставит цели созидания, однако это максимы, которые предполагают первоначально, подчинение или уничтожение противников. Рано или поздно репрессии приводят к разочарованию индивидуальностей, которые образуют субъект желания. Тем самым, субъект желания может уступить место субъекту разума или постепенно трансформироваться в него. Выделим особенность отношений субъектов разума и желания в рамках дискурса противостояния. Во-первых, субъекты не слышат друг друга, поскольку, как было уже отмечено, имеют различные логики доказательства. В дискурсе субъекта разума доминирует дескриптивная логика, а у субъекта желания – алетическая. Во-вторых, субъект желания ставит себя на более высокую ступень моральности, и свысока взирает на субъект разума, соответственно, полностью не принимая аргументации. В-третьих, субъект разума не использует прессинга и жестких обличений, то есть именно тех средств, которым подчиняется масса, и тем самым он не способен расширить себя за счет массы, что удается вполне субъекту желания. Поэтому у субъекта желания больше возможностей расширить сферу своего влияния. Итак, с помощью ужесточения дискурса субъект желания в состоянии занять доминирующее положение в сфере власти и подчинить субъекта разума. Однако неспособность объективно оценить положение дел, и тем самым обеспечить продуктивное развитие приводит к тому, что интенсивность манифестации существенно падает, и он терпит поражение.

Существование субъектов разума и желания существенно различается. Субъект желания может увеличиваться за счет массы, поскольку он провозглашает осуществление ее желаний. При этом привлекательность субъекта желания состоит в том, что она носит примитивный и монотонный характер при наличии множества повторов. Однако именно эти свойства обеспечивают усвоение смыслов существования, которые провозглашает субъект желания, и, соответственно, увеличение количества сторонников. Особенно большое значение играет морализирование, которое является также одной из главных его черт. При этом морализирование превращается не в установление норм морали в реальности, их практическом воплощении, а используется только для подчеркивания своего превосходства. Главное назначение морализирования – это обличение своих противников в аморальности. При этом моральные требования не предъявляются к индивидуальностям, образующим субъект желания. В дискурсе моральные требования значительное место отводится обличению, которое направлено на противников, а его цель – превратить их во врагов и номинальных преступников. Отличие номинального преступника состоит в том, что вина его не доказана в соответствии с нормами права, и, тем не менее, он признается таковым, поскольку не соответствует нормам, которые провозглашаются субъектом желания.

Для субъекта желания не существует ответственности, особую значимость которой отмечает К.-О. Апель в следующем суждении: «Як би у нас, людей, не було здібності до співвідповідальності, то годі й говорити про ідею політичної демократії» [1, с.405]. Ответственность может присутствовать только у субъекта разума, но никак не у субъекта желания. Последний полностью лишен ответственности, поскольку желания обладают высшей ценностью, чем человек, и, следовательно, индивидуальность. Абсолютизация желания приводит к тому, что они становятся целью, которая должна быть достигнута, даже если индивидуальность будет принесена в жертву. Трагедия субъекта желания состоит в том, что он не осознает этого противоречия, и готов на жертву, не понимая ее бессмысленности. Индивидуальность не может отказаться от субъекта, поскольку она отождествляет себя с субъектом желания, а отказ от субъекта рассматривается как предательство и осуждается.

Субъект желания стремится активизировать переживания, в результате чего индивидуальность почти полностью теряет разум как основу существования и превращается в агрессивное существо, способное на

самые низменные поступки во имя общего дела. Аффекты принимают угрожающий характер. Тем самым субъект желания становится способным на преступление. Содержание его дискурса – это поток оскорблений, подозрений, обличений, унижений и проч. Тем самым возникает проблема ответственности, но уже ответственности субъекта желания за то, что он превращает массу, которая стала его частью, в силу, способную на любые разрушения. Кроме того, он формирует у массы манию величия, которая состоит в навязывании мысли, что именно масса творит историю. Масса, взятая уже как субъект желания, действительно творит историю, но творит, поскольку превратилась в объект манипуляции. Такую массу можно спровоцировать на любые действия, и в первую очередь предусматривающие нарушение закона с помощью аргументации отстаивания высоких моральных ценностей.

На основании выше изложенного можно сделать следующие *выводы*:

1. Методологической базой для исследования явления субъекта в дискурсе может служить положение Г. Шпета о том, что высказанное слово и есть действительность. При этом необходимо принять во внимание наличие тесной связи между содержанием сознания и дискурсом.

2. Основанием для стабильности дискурса следует признать устойчивость смыслов существования в глубинных слоях сознания, что образует сущность субъекта.

3. Необходимость дискурса состоит в том, что он выступает сферой переживания смыслов существования, а также источником конструирования реальности. Однако не все смыслы воплощаются в дискурсе, а только такие, презентация которых не может быть опасной для субъекта

4. Особое значение в политической практике занимает институциональный дискурс, осуществление которого реализуется посредством институций, которые реализуют основные политические императивы. Следует отметить различную степень зависимости индивидуальности от институционального субъекта: от полного подчинения до состояния свободы.

5. Следует различать две основные разновидности политического дискурса: дискурс, основанный на разуме и дискурс желания, реализация которых будет существенно различаться. Возникновение рационального дискурса связано с объективными причинами, не только с состоянием сознания. В свою очередь, ограничение самостоятельности субъекта может привести к отказу от разумных требований, то есть возникновению субъекта желания.

6. Выделим следующие особенности дискурса желания: наличие протеста, использование алетического описания действительности, агрессивность субъекта, использование массы, догматизм, переживание превосходства, создание образа врага, выдвижение требований, стремление к господству, отсутствие ответственности, морализирование.

7. Субъект дискурса желания имеет больше возможностей для захвата власти, однако, по сравнению с субъектом дискурса разума имеет ограниченные возможности для создания благоприятных условий существования, поэтому теряет власть и оказывается в зависимости.

Источники и литература

1. Апелъ К.-О. Дискурсивна етика як політична етика відповідальності у ситуації сучасного світу // Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія: Підручник. – К. Лібра, 1999. – С. 395-412
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2000. – 102 с.
3. Габермас Ю. Єдність розуму в розмаїтті його голосів // Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія: Підручник. – К. Лібра, 1999. – С.255-286.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления // www.elenakosilova.narod.ru/studia/Husserl/htm
5. Делез Ж. Логика смысла: Пер с франц. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
6. Свасьян К. А. Дискурс, терор и еврейство // Вопросы философии. – 2005. – №6. – С.57-71.
7. Соболева М.Е. А PRIORI языка и рационалистическое обоснование этики К.-О.Апеля // Философские науки. – №7. – С. 118-142.
8. Соловей И.В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта // Философские науки. – 2005. -№11. – С.35-46.
9. Шпет Г. Сочинения. – М.: Правла, 1989. – 602 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
11. Фрейд. З. Вступ до психоанализу: Пер. з нім. К. Тарашук. – К. Основи, 1998. – 709 с.
12. Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии: Переводы / Состю и послесл. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.П. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 443-482.
13. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов: Пер. с англ. – К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.